

трием на р. Воже, притоке Оки близ Переяславля Рязанского. Тогда Мамай стал собирать крупные силы, чтобы повторить поход Батыея. Кроме европейских татар он вел еще бесермен (закаспийских мусульман), алан, черкесов и фрягов, т. е. генуэзцев, которым ханы предоставили в Крыму Кафу (бывшую греческую Феодосию); Орда заключила опасный для Москвы союз с Ягеллом, сыном Ольгерда, с целью одновременного нападения на Москву с двух сторон. Мамай был уверен в своем успехе; говорили, будто по своим улусам (провинциям) он разослал приказ: «не пашите земли и не заботьтесь о хлебе; будьте готовы на русский хлеб».

Дмитрий, уже знаменитый военной славой, собрал в свою очередь около себя большую часть северовосточных князей: нейтральным (т. е. не принявшим ни той, ни другой стороны) остался только Олег Рязанский, области которого, как ближайшей к татарам, прежде всего грозило опустошение, К Дмитрию также перешли пограничные с Литвою русские князья, не желавшие подчиняться литовцам и кроме того два Ольгердовича, поссорившиеся со своим братом Ягеллом. Вся восточная Европа разделилась на два большие военные союза. Решительным движением вперед Дмитрий предупредил соединение Мамаея с литовцами и, перейдя Дон при начале степей, вступил в бой с татарами.

Великая битва 8 сентября 1380 года на Куликовском поле, в народной памяти, «Мамаево побоище», окружена светом религиозно-поэтических сказаний. Дмитрий едет перед походом в Троицкий монастырь, основанный в глухом бору Сергием Радонежским, долго совещается с подвижником, наконец получает его благословение и увозит с собою в качестве соратников двух богатырей-монахов, Пересвета и Ослябя. Ночью перед сражением, великий князь гадает с вещим воеводой Боброком-Волынским, припадая к земле и прислушиваясь к таинственному гулу, исходящему от того и другого лагеря. Битва открывается единоборством татарского витязя Телебея с Пересветом; в ужасной встрече народов, по словам летописи, «копья ломались как солома, стрелы струились дождем, мечи сверкали молниями, люди падали как трава под косой, кровь, подобно воде, текла ручьями».

Куликовская битва показала необычайную живучесть русского народа, его способность к возрождению от страшного разгрома, и притом без посторонней помощи. По сравнению с Сигизмундом и никопольскими крестоносцами надо отдать предпочтение русскому вождю и его воинству; опираясь на дисциплину своего большого ополчения, Дмитрий Иванович выполнил искусно задуманный план: часть русской армии, под начальством его сподвижника Владимира Андреевича Серпуховского, спрятанная в засаде, была направлена в дело неожиданно для противника, когда он достаточно утомился. Однако при всем величии национального подвига, победа не привела к желанной цели. За большим напряжением наступила тяжелая потеря сил, резко на всех отразившаяся. Са-